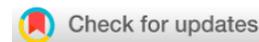

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 394.26

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-2-20-26>

Позднесоветские досуговые практики и их репрезентация в цифровой среде

Д.С. Зайцева

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ st087519@student.spbu.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена репрезентации советской повседневности в Интернет-пространстве. Предметом исследования выступает медиапамять о досуговых практиках 1960–1970-х гг. Воспоминания о свободном времени-препровождении рассматриваются в качестве элемента конструирования коллективной памяти о советской жизни и формирования образа советской нормативности в Интернете. Цель исследования – рассмотреть специфику дигитальных воспоминаний о досуговых практиках позднесоветской повседневности.

Материалы и методы. Основу исследования образует структурно-функциональный метод и контент-анализ материалов в социальных сетях.

Результаты исследования. На конкретных примерах показано, что обращение к концепции пространств вне-находимости внутри позднесоветской повседневности позволяет понять привлекательность образа советского прошлого в цифровом пространстве. Исследование продемонстрировало, что для воспоминаний о досуговых практиках характерно обращение к личному измерению повседневного опыта.

Обсуждение и заключение. Обращение к советскому досугу и его дигитальным репрезентациям показало, что присутствие цифровых технологий и их роль в передаче воспоминаний способствуют отчуждению личных воспоминаний. Внимание к фактам рецепции советской повседневности в Интернете позволяет пережить индивидуальные эмоции заново, сопоставив опыт одного человека с членами виртуального сообщества. Делается предположение, что феномен интеграции идеологического мифа в память о пространстве частной жизни связан как с особенностями медиапамяти, так и со сложной структурой предмета ностальгической рефлексии. Результаты исследования могут быть применены при планировании стратегий сохранения и воспроизводства исторической памяти.

Ключевые слова: культурная память, медиапамять, ностальгия, цифровые технологии, советская повседневность, досуговые практики

Для цитирования. Зайцева Д.С. Позднесоветские досуговые практики и их репрезентация в цифровой среде. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(2):20–26. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-2-20-26>

Original Theoretical Research

Late Soviet Leisure Practices and Their Representation in the Digital Environment

Darya S. Zaitseva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ st087519@student.spbu.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the representation of Soviet everyday life on the Internet. The subject of the study is the media memory of leisure practices in the 1960s–1970s. Memories of spending free time are considered as an element of constructing a collective memory of Soviet life and forming an image of Soviet normativity on the Internet. The author aims to examine the specifics of digital memories of leisure practices of late Soviet everyday life.

Materials and Methods. The basis of the research is the structural-functional method and content analysis of materials on social networks.

Results. The results of the study are that the author has shown using concrete examples that referring to the concept of “spaces of non-attendance” within the late Soviet everyday life makes it possible to understand the attractiveness of the image of the Soviet past in the digital space. The study demonstrated that memories of leisure practices are characterized by an appeal to the personal dimension of everyday experience.

Discussion and Conclusion. The author supposes that the phenomenon of an integration of the ideological myth into memory of the space of private life is connected both with the peculiarities of media memory and with the complex structure of the subject of nostalgic reflection. The results of the study can be applied in planning strategies for the preservation and reproduction of historical memory.

Keywords: cultural memory, media memory, nostalgia, digital technologies, Soviet everyday life, leisure practices

For Citation. Zaitseva D.S. Late Soviet leisure practices and their representation in the digital environment. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(2):20–26. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-2-20-26>

Введение. В последние годы наблюдается феноменальный всплеск интереса к советскому прошлому в Интернет-среде: в цифровом пространстве представлены многочисленные сообщества, которые аккумулируют воспоминания об ушедшей эпохе. Велико и число научных исследований о формировании и трансляции культурной памяти. Однако вопрос о причинах становления советской культуры в виде предмета ностальгической рефлексии является недостаточно освещенным в науке.

Причины ностальгии по советскому прошлому определяют исходя из общих черт ностальгии как процесса переживания потери воображаемого пространства дома. Коллективная ностальгия, показывающая связь конкретного индивида с окружающим миром, определяется в качестве тоски по медленному течению времени в прошлом. Ностальгия трактуется при таком подходе как составная часть современной культуры [1, с. 299], а ее причинами считают постмодернистские кризисы идентичности, сложности социальной адаптации, массовую дезориентацию. Постсоветское пространство, в котором произошло большое потрясение, – распад социалистической страны, можно рассматривать как благодатную почву для ностальгии по эпохе, характеризующейся стабильностью, покоем и определенностью.

Особенностью авторского подхода к теме является направление интереса на советскую повседневность 1960–1970-х гг., чтобы выявить черты, которые позволили ей стать материализованной в виде воспоминаний текстового, графического, видео- и аудио- формата. Согласно авторской гипотезе, позднесоветская повседневность обладает характеристиками, которые превращают ее в объект ностальгической рефлексии.

Стоит, однако, подчеркнуть, что попытки определения особенностей позднесоветской культуры как базы для современной ностальгии производились и ранее, но акцент в них был сделан на черты потребительской культуры [2, 3]. Отдельно можно выделить исследования И.М. Каспэ, в котором проясняются черты «ностальгической» советской кухни с целью выявления специфики формирования идеального образа, соединившего «символы прошлой стабильности и символы новых потребительских возможностей» [4, с. 218]. Данный подход довольно продуктивен. Представляется, что анализ структуры советской повседневности, ее отдельных областей, наиболее активно подвергаемых ностальгии, и выявление образа «ностальгической» повседневности может расширить корпус отечественных мемориальных исследований.

В рамках данной статьи мы предлагаем остановиться на анализе советского досуга: его специфики внутри повседневности 1960–1970-х гг. и фактах его репрезентации в цифровом пространстве. Обращение к практикам, связанным со свободным времяпрепровождением, можно объяснить их особым положением в рамках структуры повседневности. Они одновременно и позволяют воспроизводить особый, повторяющийся ход жизни, и выходят за рамки обязательно необходимых действий внутри повседневности. Специфика практик досуга связана также с тем, что они требуют излишка ресурсов для собственного воспроизводства. Кроме того, досуговые практики осуществляются как в рамках частного пространства, так и в публичных местах. Эти характеристики свидетельствуют о необходимости обращения к досугу для понимания специфики позднесоветской повседневности, в которой произошла легитимация свободного времяпрепровождения.

Материалы и методы. Для достижения поставленных задач необходимо обратиться к структурно-функциональному методу для разложения позднесоветской повседневности на ее составные части. Повседневность рассматривается нами вслед за С. Бойм как структура, имеющая ритм повторений и привычек, идеологию, завуалированную здравым смыслом. Именно повседневность отображается в воспоминаниях, поскольку она запечатлевает длинные промежутки истории и отображает их в мелочах без пафоса и харизмы [1, с. 11]. Повседневность касается каждого из нас, но переживается коллективно, что позволяет ей быть воспроизведенной в коллективной памяти.

Контент-анализ публикаций в сообществе «Ленинградец» в социальной сети ВКонтакте позволяет нам выявить специфику формирования медиапамяти, в котором репрезентируются советские досуговые практики. Для этого мы обращаемся к сторонникам коннективного поворота в мемориальных исследованиях, описывающих новую структуру памяти, обусловленную цифровыми технологиями (Й. ван Дейк [6], М. Хирш [7], Д.С. Артамонов [8]). Мы будем

определять медиапамять как структурированную цифровыми сетями сеть воспоминаний, которая связывает личное и коллективное наследие.

Наше понимание ностальгии основано на теории С. Бойм [1]. Мы предлагаем обратить исследовательский интерес к процессу порождения индивидуальных аффектов при производстве коллективных воспоминаний о прошлом. Ностальгия далее будет рассматриваться в качестве процесса конструирования прошлого и исторической интерпретации, определяющего идентичность сообщества.

Результаты исследования. Временные рамки «длинных семидесятых» обычно соотносят с эпохой, начавшейся после «оттепели» и закончившейся «перестройкой». Назовем изучаемый период как время жизни последнего советского поколения [5, с. 85]. Отнесем к нему тех, кто застал позднесоветскую повседневность и был непосредственно в нее включен, но при этом являлся достаточно молодым на момент начала «перестройки» и распада СССР. Именно сознательный опыт жизни этого поколения и его дигитальные воспоминания о советской (доперестроечной) повседневности интересуют нас.

Эти люди успели пожить в тот период советской истории, когда была легитимирована повседневность как место реализации личных интенций и интересов, причем прежде всего в сознании действующих субъектов повседневной жизни. Впервые в истории советского государства увеличилась дистанция между личным и публичным, причем нормальным стало дистанцирование от жизни общественной и частная аполитичность (которая могла сопровождаться проявлением политической позиции в рамках публичных зон повседневности). Повседневность в этот период стала обживать человека, не быть чем-то «экзотическим» [1, с. 51] как в чрезвычайные годы (постреволюционные и военные). Без катастроф и социальных потрясений советский мир приобрел завершенность и качественную неизменность [9, с. 100].

Возможность такой трансформации объяснялась изменением идеологических устремлений советского государства: в середине 1960-х гг. в печати утвердились представления о том, что социализм в стране находится на высшей стадии своего развития [10, с. 89]. Миф о советском образе жизни стал иллюстрировать не ориентир для трудно достижимого будущего, требующего лишений в настоящем, а изобразил нынешние прорывы и победы, связанные прежде всего со сферой повседневного существования. Наступление коммунистического общества отодвигалось на неопределенное время (постепенно сроки все сдвигались и уже не воспринимались серьезно), зато целью стало сохранение достигнутого, т.е. улучшение жизни в данный период времени [10, с. 91]. Советский человек 1960–1970-х гг. наконец получил возможность включиться в процессы потребления и получить доступ к комфортной повседневной жизни. Именно это создавало образ стабильной эпохи, что сегодня является привлекательным для формирования ностальгических воспоминаний.

Изменилось и отношение между трудом и досугом в структуре повседневности. Досуг стал обязательной частью советского образа жизни. Идеологически был снят присущий капиталистическому обществу антагонизм труда как формы принуждения и досуга как свободы от дел: советский человек в этот период был волен испытывать потребность к отдыху, который является залогом воспроизводства трудовых ресурсов [10, с. 91]. Несмотря на контроль в сфере досуга, который продолжает строго регламентироваться, возможностей для реализации собственных идей и стремлений в свободное время становится больше.

Заметим, что можно провести терминологическое различие между досугом и отдыхом: досуговые практики подразумевают нечто большее, чем просто рекреацию и восстановление сил. Важным критерием досуга можно считать более яркое проявление стремлений к свободным и нерегулируемым формам поведения [11, с. 229] в период времени, освобожденный от дел общественных и личных, которыми человек обязан заниматься. Досуг завязан на сфере частного, хотя может протекать и в публичных зонах (дворцах культуры и отдыха, санаториях и пионерских лагерях). Именно досуговые практики можно характеризовать как зону проявления индивидуальности «последнего советского поколения», что позволяет им быть основой для ярких, эмоционально насыщенных воспоминаний, которые могут воспроизводиться в ностальгической рефлексии.

Советский идеологический дискурс 1960–1970-х гг. изменился не только с точки зрения конструирования ориентиров в настоящем, но и по своей сути: он стал гипернормализованным. Это означает, что в официальном языке увеличилось количество фраз и оборотов, а их форма усложнилась [5, с. 116]. Многие явления повседневной жизни перестали иметь одну четкую идеологическую трактовку, что открывало простор для интерпретаций. В таких условиях сформировались пространства вневходимости, которые существовали параллельно советской реальности. Они не бросали вызов советской идеологии, но и жили не по ее правилам. Пространства вневходимости обеспечивали «нормальное» существование в советской повседневности, соответствие идеологическим моделям и удовлетворение собственных интересов [5, с. 269]. Рассмотрим функционирование пространств вневходимости, причем обратимся к специфическим способам сочетания «идеологически верного» отдыха и индивидуализированного времяпрепровождения по интересам, создававшим особые советские формы досуга. Остановимся на тех практиках, осуществление которых позволяло людям участвовать в воспроизводстве идеологического дискурса (в т. ч. диктуемой им «нормальной» советской повседневности), при этом конструируя собственные смыслы частной жизни.

В ностальгических воспоминаниях в цифровом пространстве часто появляется субботник как мероприятие, в котором воплотилась идея советского образа жизни в полной мере, – субботник предполагал добровольный коллективный труд по благоустройству окружающей среды. Эта форма политически мотивированного труда, демон-

стрирующая, по мнению Ленина, инициативность и сознательность рабочих [12, с. 115], в 1969 г. обрела второе рождение и постоянно воспроизводилась в 1970-е гг. При этом позднесоветские субботники превратились в пустую ритуальную форму, утратив свое изначально глубокое идеологическое содержание [12, с. 118]. Фактически вынужденное участие в таких официальных неоплачиваемых мероприятиях воспринималось людьми как способ провести время на свежем воздухе, пообщаться в процессе работы с друзьями и сменить сферу деятельности. Нередко за участие в них служащим давали отгул (оплачиваемый день, свободный от работы), что создавало пространство и время внеаходимости [5, с. 306], когда за участие в зоне публичного расширялась зона свободного выбора форм частного времяпрепровождения.

Рассмотрим ностальгический образ субботника в социальных сетях. Так, в сообществе «Ленинградец» (объединяет более 91 тыс. участников) много материалов о субботниках в Ленинграде и участии в них представителей разных предприятий и учреждений. Это и архивное видео о субботнике 1975 г.¹, и советские агитационные плакаты по теме², и, что более интересно для анализа медиапамяти, – фотографии, предложенные участниками группы. Личные фото позволяют синхронизировать свой опыт с опытом других, превратив индивидуальное воспоминание в часть общего представления о прошлом [8, с. 71]. Это способствует конструированию более или менее единого образа позднесоветской повседневности. Материалы и переданные ими факты индивидуальной памяти упорядочивают коллективные воспоминания, обеспечивают взаимодействия индивидов и подтверждают факт их общей идентичности (принадлежность к последнему советскому поколению, узнающему изображенные на фото события). В цифровом пространстве, где размываются границы устной и письменной коммуникации и любое общение опосредовано технологиями [8, с. 76], сообщество «Ленинградец» становится источником формирования культурной памяти о досуговых практиках позднесоветского общества.

Среди публикаций есть следующие интересные материалы, касающиеся изучаемого периода: фото с подписью «После ударной работы – по законной кружке», на которой зафиксированы работники Радиевого института после Ленинского субботника, отдыхающие вместе в непринужденной обстановке и пьющие из пивных кружек³; изображения молодых людей, убирающих листву (что более важно, на переднем плане запечатлены гитары)⁴; публикация «Субботник на строящемся Речном вокзале», где на переднем плане изображена веселая компания, позирующая для фотографа⁵; фотография школьников, которые явно рады собранию всех вместе «После веселого “Ленинского субботника”...»⁶. Наличие более официальных снимков, которые фиксируют процесс работы, не отвергает того факта, что люди будут вовлечены в отдых в кругу друзей или по крайней мере получают возможность для досуга и общения по интересам после окончания субботника или во время перерыва. Непредсказуемость и нерегламентированность, характерная для неофициальной части таких ритуалов, высоко ценится в памяти поколений, и эта ценность еще более заостряется при воспоминании контроля посещаемости и идеологической подоплеку субботников.

Комментарии к фотографиям, посвященным субботникам, тоже интересны: кроме воспроизведения тезисов о важности труда и наведения порядка в родном городе, в которых виден идеологический компонент ностальгического образа повседневности, позволяющий обосновать ее практики, многие вспоминают именно свободное время после субботника или субботник как место встречи с близкими по духу людьми (теми, которые как раз и запечатлены на любительских снимках). Критика обязательности таких мероприятий соседствует с воспоминаниями о том, как дружно и весело все убрали территорию города.

В комментариях распространен поиск «своих» на фотографиях: тех, кто тоже учился в этой школе или работал на конкретном предприятии и выходил на субботники. Некоторые участники сообщества добавляют в комментарии свои фотографии. Встречаются попытки определения мест, а также обсуждение одежды запечатленных людей, сравнение их материального положения и своего в те годы. Это говорит о том, что фотографии выступают «точками памяти», обеспечивающей чувственную, материальную и эмоциональную связь с прошлым [7, с. 104] и представляют собой архивную мемориальную практику, которая сохраняет встраивающее измерение [7, с. 74], что позволяет не только увидеть других, но и найти «своих». Это пробуждает ностальгические чувства. Как отмечает, исследовательница медиапамяти Й. ван Дейк, общая тоска по настроению эпохи связана с пережитым опытом, даже если он размыт в памяти. Воспоминание, возникающее при обнаружении фотографии, объединенной местом действия, участниками или запечатленной на ней практикой повседневной жизни со зрителем, дублирует первоначальное впечатление от участия в подобных мероприятиях. Ассоциации со временем в результате приобретают насыщенный характер, и воспоминания об оригинальном опыте оказываются под влиянием новых эмоций, что позволяет сформировать ностальгический опыт [6, с. 362].

Еще одно свойство дигитальных воспоминаний, которое мы обнаруживаем при анализе визуальных материалов, – фрагментация воспоминаний и мозаичная структура медиапамяти [13, с. 133]: фотографии могут повто-

¹ Субботник в Ленинграде. Фрагмент (1975). URL: https://vk.com/residentofleningrad?w=wall-126624890_874992 (дата обращения: 04.04.2025)

² «Все на субботник!». URL: https://vk.com/wall-126624890_937607 (дата обращения: 04.04.2025)

³ “ После ударной работы – по законной кружке...” Сотрудники Радиевого института после Ленинского субботника, пр. Шверника. Апрель 1972 г. Фото: Александр Царегородцев. URL: https://vk.com/wall-126624890_490085 (дата обращения: 04.04.2025)

⁴ Субботник в Летнем Саду. 1983 г. URL: https://vk.com/wall-126624890_851399 (дата обращения: 04.04.2025)

⁵ Субботник на строящемся речном вокзале. Фото Надежда Морозова. URL: https://vk.com/wall-126624890_766282 (дата обращения: 04.04.2025)

⁶ После весёлого «Ленинского субботника» (сбор металлолома), часть учеников 106 класса 334 школы, апрель 1974 года... URL: https://vk.com/wall-126624890_384141 (дата обращения: 04.04.2025)

ряться с некоторой периодичностью, вызывать разные обсуждения, но обычно комментарии короткие, а читатели при сопоставлении чужого опыта и своего должны самостоятельно конструировать образ события. Это вместе с ностальгической предвзятостью, возникающей при соотнесении собственного опыта с чужими эмоциями, позволяет сформировать базовую предустановку о прошлом, в которой есть некий единый образ советской повседневности (даже если его, вероятно, не было при переживании событий советской жизни в действительности).

Интересно, что сходным с субботником положением обладал еще один официальный ритуал – демонстрация по случаю разных праздников (от 8 марта до 9 мая), в которых участвовали субъекты советской повседневности. Несмотря на то что эти ритуалы имели строгий порядок и регламентировались идеологически, они в памяти поколений остались в виде народных гуляний. Эмоциональный накал, праздничное настроение, движение больших групп людей по улицам, среди которых были близкие и родные люди, придавало таким мероприятиям статус праздников, интересных советским людям [5, с. 241].

Примечательно, что фотографии с демонстраций публикуются в сообществе «Ленинградец» часто в праздничные даты, что позволяет ассоциировать уже нынешний праздник с пережитым тогда опытом⁷. В комментариях мы обнаруживаем воспоминания об общении в сообществе своих, времени после официальной части праздников, встрече с друзьями и родственниками, домашних посиделках и застольях после демонстраций.

Как отмечают исследователи памяти, ностальгия обладает свойством селективности, которая связана с обращением к отдельным положительным моментам прошлого и соединением их вместе [14, с. 248]). Такая выборочность позволяет вспоминать формы свободного времяпрепровождения, существовавшие в рамках строго регламентированных ритуалов (например, демонстраций). Это делает возможным создание положительного образа повседневности 1960–1970-х гг., в которую хочется вернуться. Участие памяти о демонстрациях как ритуалов, обладавших позднесоветской спецификой (соединением официальной и неофициальной части, идеологического и даже аполитичного, интимного), в возникновении ностальгических чувств является ярким доказательством нашей гипотезы об особом месте воспоминаний о свободном времяпрепровождении в формировании дигитального образа советского прошлого.

Обратимся теперь к досуговым формам повседневного существования, менее связанным с праздниками и ритуалами. Речь идет об объединении людей в домах культуры и отдыха для свободного времяпрепровождения. Клубы и кружки по интересам активно создавались в период жизни последнего советского поколения при поддержке власти. Они стали проявлением той стороны советской государственной политики 1960–1970-х гг., которая обеспечивала свободный выбор и не создавала ощущение наличия идеологического контроля в повседневности. Секции и кружки самодеятельности как формы контролируемого партией отдыха, становятся зоной дистанцирования от публичного пространства [15, с. 275], где каждый может выбрать дело по интересу и найти товарищей. При этом такое дистанцирование было возможно только при воспроизводстве социалистического дискурса, поскольку посещаемость кружков свидетельствовала о достижениях социализма, где каждый может быть причастным к общей культуре [10, с. 91].

Притягательность времяпрепровождения в таких коллективах сегодня объясняется большим разнообразием кружков и клубов, их широкой доступностью, наличием профессиональных педагогов и заинтересованных учеников. Образ кружков в социальных сетях преимущественно положителен, причем его воспроизводство сопровождается комментариями о плюсах социалистического общественного устройства по сравнению с капиталистической системой⁸. Вспоминают прежде всего то, что кружки были бесплатны и действительно полезны, что часто подразумевает отсутствие такого разнообразия мест досуга сегодня. Ностальгия в данном случае выступает как ответ на переживание чувства нехватки некоторых возможностей в современности, как реакция на разрыв между прошлым настоящим [16, с. 454]. Цифровые воспоминания о кружках, секциях и иных подобных коллективах свидетельствуют, что ностальгический образ советской повседневности может быть подкреплён воспроизведением идеологических клише о ее достоинствах, причем среди них выбираются те, которые указывают на удовлетворение индивидуальных потребностей ностальгирующих. Можно говорить о заимствовании элементов советского официального дискурса для обоснования сугубо личных интересов с позиции современного человека.

Свободное время советский человек посвящал и посещению кинотеатров. Фотографии кинотеатров в социальных сетях как дигитальные места памяти также вызывают обсуждения личных интересов людей. Особенно показательными являются снимки, которые запечатлевают места, более не существующие⁹, поскольку они вызывают у участников коммуникации ностальгические переживания из-за утраты конкретных пространственных точек. Роль мест и их цифровых репрезентаций в пробуждении памяти особенно видна на примере обсуждения кинопросмотра, поскольку после распада СССР многие кинотеатры были закрыты.

Кроме того, воспоминания о кинопросмотре неизменно порождают факт вспоминания фильма и могут провоцировать его пересмотр. Это в свою очередь позволяет выполнить фильму мнемотическую функцию – запечатлеть и вызвать в памяти эмоции, испытанные при первом просмотре. Таким образом, киновоспоминания, кото-

⁷ Например: Праздник День Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября ... Фото от Ольги Курлениной. URL: https://vk.com/wall-126624890_863649 (дата обращения: 04.04.2025); С мамой на демонстрации, 1960 год. Фото Сергей Борисов. URL: https://vk.com/wall-126624890_775914 (дата обращения: 04.04.2025); Я с братом и с мамой на демонстрации, папа фотографирует. 1 мая 1966 года. Фото от Эллы Александровой. URL: https://vk.com/wall-126624890_775650 (дата обращения: 04.04.2025)

⁸ Например: Детские кружки в СССР. URL: https://vk.com/wall-126624890_805376 (дата обращения: 04.04.2025)

⁹ Например: Кинотеатр «Прометей» 1977 год. URL: https://vk.com/wall-126624890_945959 (дата обращения: 04.04.2025)

рые, как и описанные Й. ван Дейк музыкальные воспоминания, формируют личное и коллективное наследие от поколения к поколению путем обмена историями об опыте [6, с. 364]. В этой связи можно вспомнить виртуальные сообщества, посвященные советскому кино и советской музыке, которые можно считать архивами, выполняющими коммеморативную функцию.

Обсуждение и заключение. Обращение к советскому досугу и его дигитальным репрезентациям показало, что присутствие цифровых технологий и их роль в передаче воспоминаний способствуют отчуждению личных воспоминаний. Факты рецепции советской повседневности в Интернете мозаичны, разрозненны, а обращение к ним позволяет пережить индивидуальные эмоции заново, сопоставив опыт одного человека с членами виртуального сообщества.

Советская повседневность, оставаясь под влиянием идеологии и будучи конструируемой ее утопическими устремлениями, превратилась после распада СССР в памяти поколения в место, где в полной мере была реализована модель советского образа жизни, оказались удовлетворены потребности трудящихся и достигнуто политическое и социальное равенство. Глубоко личностная составляющая воспоминаний об СССР определена тем, что человеком последнего советского поколения были присвоены идеологические конструкции о достижении гражданами комфортного, стабильного существования. Этому способствует структура ностальгии, ее желание вернуть недостающие фрагменты настоящего, которые субъекты ностальгии ищут в прошлом.

Внутри повседневности, преимущественно в сфере досуга, советскими людьми были освоены пространства вненаходимости, создававшие места, независимые от идеологического контроля. Они позволяли конструировать личностные смыслы, ставшие сугубо важными для людей. Досуг в зонах вненаходимости воспроизводится в цифровых воспоминаниях, поскольку он порождает эмоции, остающиеся в памяти и переживаемые вновь спустя длительные промежутки времени.

Постсоветский человек, следовательно, соединяет в памяти два аспекта повседневной культуры: ее идеологическую сторону («нормальная» советская повседневность, соответствие советскому образу жизни) и существование в зонах вненаходимости. Часто в медиапамяти идеологический миф используется для объяснения полученного удовлетворения от участия в досуговых практиках, существовавших не по законам официальной системы.

Список литературы / References

1. Бойм С. *Общие места: Мифология повседневной жизни*. Москва: Новое литературное обозрение; 2002. 320 с.
Boym S. *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoy zhizni = Common places: mythologies of everyday life in Russia*. Moscow: New Literary Observer; 2002. 320 p. (In Russ.)
2. Кустарев А. Золотые 1970-е – ностальгия и реабилитация. *Неприкосновенный запас*. 2007;2:602–609.
Kustarev A. Zoloty 1970-e – nostalgija i rehabilitacija = The Golden 1970s – Nostalgia and rehabilitation. *Neprikosnovennij Zapas*. 2007;2:602–609. (In Russ.)
3. Кушкова А. Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците. *Неприкосновенный запас*. 2009;2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/sovetskoe-proshloe-skvoz-vozpominaniya-o-prodovolstvennom-deficizite.html/> (дата обращения: 13.03.2025)
Kushkova A. Sovetskoe proshloe skvoz vospominaniya o prodovolstvennom deficite = The Soviet past through memories of food shortage. *Neprikosnovennij Zapas*. 2009;2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/sovetskoe-proshloe-skvoz-vozpominaniya-o-prodovolstvennom-deficizite.html> (accessed: 13.03.2025) (In Russ.)
4. Каспэ И.М. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии. В: Пути России: культура – общество – человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). Т. XV. Под общ. ред. А.М. Никулина. Москва: Логос; 2008. С. 205–218.
Kaspje I. “Sest proshloe”: ideologija i povsednevnost gastronomicheskoy nostalgii = “Eat the past”: ideology and everyday life of gastronomic nostalgia. The Ways of Russia: culture – society – man, Nikulin A.M. (eds.), Moscow: Logos; 2008, pp. 205–218 (In Russ.)
5. Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 664 с.
Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie = Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. Moscow: New Literary Observer, 2014; 664 p. (In Russ.)
6. Van Dijck J. Record and Hold: Popular Music between Personal and Collective Memory. *Critical Studies in Media Communication*. 2006;23(5):357–374. <https://doi.org/10.1080/07393180601046121>
7. Хирш М. *Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста*. Москва: Новое издательство; 2020. 428 с.
Hirsch M. *Pokolenie postpamyati. Pismo i vizualnaya kultura posle Kholokosta = The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust*. Translated from English by N. Epple. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2021; 428 p. (In Russ.)
8. Артамонов Д.С. Медиапамять: теоретический аспект. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022;4(2): 64–83. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i2.269>
Artamonov D.S. Mediapamyat: teoreticheskiy aspekt = Media Memory: Theoretical Aspects. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022;2:64–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i2.269>

9. Абрамов Р.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? *Человек*. 2013;5:99–111.
Abramov R.N. Muzeifikatsiya sovetskogo. Istoricheskaya travma ili nostalgija? = Museumification of the Soviet. Historical trauma or nostalgia? *Human*. 2013;5:99–111. (In Russ.)
10. Володин А.Н., Курамшина Ю.В. Утопия, досуг и долг: свободное время советских граждан в государственной идеологии (1960–1985). *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология*. 2022;8(3):89–97.
Volodin A.N., Kuramshina J.V. Utopiya, dosug i dolg: svobodnoye vremya sovetskikh grazhdan v gosudarstvennoy ideologii (1960–1985) = Utopia, leisure and duty: Spare time of Soviet citizens in the state ideology. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 2022;8(3):230–237 (In Russ.)
11. Сидорчук И.В. Особенности изучения советского досуга в англоязычной историографии. *Международные отношения и диалог культур*. 2020;8:221–234. <https://doi.org/10.1870/HUM/2304-9480.8.16>
Sidorchuk I.V. Osobennosti izucheniya sovetskogo dosuga v angloyazychnoy istoriografii = Features of studying leisure in the Soviet Union in English-language historiography. *International Relations and Dialogue of Cultures*. 2020;8:221–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.1870/HUM/2304-9480.8.16>
12. Пискунов М.О., Раков Т.Н. Коммунистический труд? Субботник между позднесоветским ритуалом и экологической практикой. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020;6(69):113–120. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.69.6.015>
Piscunov M.O., Rakov T.N. Kommunisticheskiy trud? Subbotnik mezhdru pozdnesovetskim ritualom i ekologicheskoy praktikoy = Communist labor? Subbotnik between late soviet ritual and ecological practice. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2020;6(69):113–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.69.6.015>
13. Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или о чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин. *Социологические исследования*. 2015;4:130–139.
Sztop-Rutkowska K. Kiberpamyat, ili o chem my (ne) pomnim v seti. Analiz lokalnoy pamyati: Belostok i Lyublin = Cybermartyr, or what we (un)remember online. Analyzing local memory: Bialystok and Lublin. *Sociological Studies*. 2015;4:130–139 (In Russ.)
14. Долгов А.Ю., Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений. *Политическая наука*. 2021;1:245–273. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.11>
Dolgov A. Yu., Meleshkina E. Yu., Tolpygina O. A. Ot nostalgii k osmysleniyu nastoyashchego: SSSR v predstavleniyakh raznykh pokoleniy = From nostalgia to understanding the present: perception of the USSR by different generations. *Political science*. 2021;1:245–273. (In Russ.)
15. Маркова О.Н. Сфера официального досуга советских людей в 1960-е гг.: дихотомия коллективного и индивидуального (на материалах Саратовской области). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. История. Международные отношения*. 2020;20(2):273–277. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-273-277>
Markova O.N. Sfera ofitsialnogo dosuga sovetskikh lyudey v 1960-ye gg.: dikhotomiya kollektivnogo i individualnogo (na materialakh Saratovskoy oblasti) = Sphere of Official Leisure of Soviet People in the 1960s: a Dichotomy of the Collective and Individual (Based on the Materials from the Saratov Region). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2020;20(2):273–277. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-273-277>
16. Tannock S. Nostalgia Critique. *Cultural Studies*. 1995;9:453–464. <https://doi.org/10.1080/09502389500490511>

Об авторе:

Зайцева Дарья Сергеевна, магистрант, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 5), [ORCID](#), [SPIN-код, st087519@student.spbu.ru](#)

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Zaitseva Darya Sergeevna, Master Student, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University (5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg, 199034, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code, st087519@student.spbu.ru](#)

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 05.04.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 22.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.04.2025